

Как я лепил

Как в моих рисунках, так и в этих заметках я отнюдь не предполагаю изобразить характер Владимира Ильича Ленина. В мое намерение входит лишь зафиксировать несколько моментов, относящихся к тому времени, которое лишь было предназначено судьбою провести вместе с ним.

Май месяц 1920, когда я лепил и зарисовывал Ленина, совпал как раз с его пятидесятилетним юбилеем.

Когда Ленин сидит за столом, он кажется значительно выше, чем он есть в действительности,—это обясняется тем, что у него короткие ноги. Его высокий лоб сильно выдается вперед, черепная коробка своеобразно вогнута на затылке, глаза часто кажутся прищуренными. Это можно видеть и на портретах.

В течение нескольких недель я ежедневно с 10 часов утра до 4 и 5 часов дня работал в кабинете Ленина. Каждый раз, когда ему предстоял секретный разговор, я удалялся в соседнюю комнату.

Слuchaю обязан я тем, что на мою долю выпало лепить Ленина. Как-то, по приезде в Москву—я жил тогда постоянно в Ленинграде—я зашел, из Кремля, к Анатолию Васильевичу Луначарскому. В комнате с книжными полками вдоль стен—она служила, впрочем, и столовой—стоял рабочий стол и на нем—бюст, вылепленный из глины. Он был почти готов. Очевидно, бюст должен был изображать Луначарского, хотя сходства не было никакого. Я выразил удивление, что Луначарский так неразборчиво тратит время, и решил показать, как делается „похожий“ снимок. Я предложил Луначарскому вылепить его, и он согласился мне позировать. Таким образом я стал ежедневно бывать в Кремле.

Как-то зашла речь о том, не вылеплю ли я Ленина к его пятидесятилетнему юбилею. Я знал, что до того времени он еще ни разу не согласился позировать перед художником, и думал, что из этой затеи ничего не выйдет. Все же я просил Луначарского поговорить об этом с Лениным. Через несколько дней он сообщил мне о согласии Ленина. Я был удивлен и обрадован.

Я снес в лифт стол, глину и все необходимые принадлежности и поднялся в третий этаж, где находился рабочий кабинет Ленина. В комнате никого не было. В лифте и в коридорах сильно пахла карболкой.

Комната имела форму полукруга и была не особенно велика. Из двух окон открывался вид на Кремль. Между ними висело зеркало. Это мне очень пригодилось во время работы, т. к. в зеркале я мог видеть Ленина. Вдоль стен стояли полки с книгами. В промежутках висели географические карты. Одна стена была занята диваном с высокой стенкой. На карнизе стоял бюст Маркса, подарок Ленинградских рабочих. Позже рядом с ним была поставлена одна из моих работ: барельеф революционера Халтурина; посередине комнаты находился письменный стол, заваленный книгами, газетами и бумагами. На нем стоял также телефон, которым Ленин часто

пользовался. Случалось, что звуки военной музыки доносились через окно.

В комнате было трое дверей. Одна вела в комнату, в которой работали секретари Совнаркома, Фотиева и Красина, и происходили созываемые ими совещания. Посторонние могли только через эту комнату проникнуть в кабинет Ленина. Вторая дверь вела в комнату, где помещался телефон Совнаркома, третья—в коридор. Ленин входил и выходил постоянно через эту последнюю.

Чтобы попасть к Ленину, нужно было предварительно пройти мимо целого ряда сторожей.

Библиотека Ленина росла беспрерывно. Ею заведывала молодая дама, на обязанности которой лежало следить за всеми новинками.

На второй день моей работы Ленин, прищурив глаза и не поднимая головы, взглянул в мою сторону и в первый раз обронил несколько слов по поводу моей работы. Именно, он находил, что нос неправильно вышел. Я разъяснил, что работа—в первоначальной стадии и что пока все детали только намечаются. Он был поражен и ответил: „Но Луначарский сказал, что вся работа займет не больше двух-трех сеансов по полчаса“. Я возразил: „я этого не говорил. Работа потребует значительно больше времени“. Ленин ничего не ответил, но позже вернулся к тому же вопросу.

Часто я приходил, когда Ленина еще не было в кабинете, и уходил после него. Входя, он приветствовал меня словами: „здравствуйте, товарищ Альтман!“

В то время я обедал в Кремле. Обед продолжался не более десяти минут. Приходилось самому добывать себе прибор и еду. Меню состояло из рыбного супа и нескольких кусочков сильно просоленной темной колбасы. Колбасу иногда заменяла соленая рыба. И так продолжалось целыми неделями.

Ленин в то время писал книгу по вопросу политики, и, поэтому, только очень немногие имели к нему доступ. Однажды прибыли делегации английских, немецких и турецких рабочих.

Англичане ко всему внимательно присматривались, спорили, часто смеялись, при чем их беседы всегда носили дружеский характер. Немцы были серьезны и сдержаны, турки взирали на Ленина с благоговейным удивлением. Они говорили на ломаном русском языке и обясняли, что выучились ему в плену.

От времени до времени являлись также выдающиеся люди: Горький, Андреев, Томский, Крыжановский, Стасов, Владимиров. Из государственных людей чаще других приходили Сталин и Каменев. Как-то раз явился Дзержинский, как раз перед своими отездом на юг. Бывали также жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, и его сестра, Мария Ильинична Ульянова. Разговор по большей части происходил в моем присутствии.

Иные добивались свидания с Лениным, других он сам приглашал, за некоторыми посыпал свой автомобиль. Со всеми он был одинаково приветлив,

ЛЕНИНА.

штил, случалось, в его словах слышалась легкая ирония. Распоряжения он отдавал спокойно, и они исполнялись беспрекословно. Какое-то очарование исходило от него, и противиться ему было невозможно.

Как-то, позже, Ленин вспомнил—не знаю уже, по какому поводу—слова Луначарского о продолжительности моей работы. Уже больше недели я ежедневно работал от пяти до шести часов. Я повторил, что я ничего не говорил Луначарскому о том, сколько времени продлится моя работа. „Значит, Анатолий Васильевич просто выдумал“, решил Ленин.

Работа медленно подвигалась вперед. Ленин писал, низко склонившись над столом, так что был виден только его затылок. Иногда—особенно, когда он говорил по телефону—он откидывался на спинку кресла и поднимал голову, и тогда лица его опять-таки не было видно, видны были только подбородок и шея.

Если бы он мог позировать как следует, дело подвинулось бы быстро, сказал я ему. Но на это он не соглашался. Дело не к спеху, и, кроме того, это было бы неестественно, так полагал он.

Тогда я предложил ему, то крайней мере, когда он расхаживает по комнате, от времени до времени поворачивать лицо в мою сторону. На это он согласился.

Работая, он часто насвистывал про себя. Как-то раз принесли ему вскрытое письмо. При чтении, он громко засмеялся, затем всунул его в карман и продолжал писать. Но, после этого, он часто прерывал работу, вынимал письмо, смеялся и опять засовывал его в карман.

К искусству Ленин был очевидно совершенно равнодушен. В разговоре с Стасовым, он выразился: „я могу двадцать раз слышать одну и ту же мелодию и все же не запоминаю ее“.

В его кабинете искусство было представлено только двумя скульптурными изображениями—Маркса и Халтурина.

Кто-то ему очевидно, сказал, что я—футурист. Он спросил, будет ли его бюст „футуристичен“. Я обяснил ему, что я хотел бы создать его портрет и что эта цель определяет стиль работы. Тогда он попросил меня показать ему что-нибудь футуристическое и, когда я исполнил его желание, сказал: „В этом я ничего не смыслю, тут надо и специалиста“.

Как-то я показал ему фотографический снимок вылепленного мною бюста Луначарского. Он нашел в глазах что-то странное. Вероятно, это происходит оттого, заметил я, что он привык видеть Луначарского с пенснэ на носу.

Однажды он спросил меня, нормально ли протекает моя работа в смысле затрачиваемого мною ежедневно времени и не затрачиваю ли я его больше или меньше нормы.

Под влиянием солнца высохла глина, и я принужден был обильно обрызгать ее водою. Ленин не хотел позировать, и я прохаживался вокруг

него, заходя то справа, то слева, и приглядывался к нему..

Весь пол был в белых пятнах, оставленных моими башмаками. Я сказал: „Владимир Ильич, я, действительно, надоедаю вам“. Он поднял глаза от работы и ответил: „Продолжайте работать так, как это вам необходимо, я мешать вам не стану“.

Первое мая! Десятки тысяч стройными колоннами движутся на площадь. Пение и красные знамена. Я, как всегда, прихожу в Кремль, на работу, но там я не застаю никого.

„С праздником, товарищ Альтман!“ говорит Ленин, входя в комнату. Лицо его смеется. В петличке красная ленточка. Он с удивлением замечает, что я работаю. „Сегодня праздник, первое мая!“

На рельефном изображении Халтурина (о котором я уже упоминал) имя его было очень слабо нацарапано, и его с трудом можно было разобрать. Ленин просил меня сделать его яснее: „я должен каждому обяснять, кто здесь изображен“.

Я разыскал в секретариате несколько фотографий Ленина (среди которых были довольно редкие, например, карточка, на которой он представлен гимназистом) и расставил их на диване и на книжных полках, чтобы сравнивать их во время работы. Уходя, я все оставил, как было. На следующее утро фотографии оказались убранными и сложенными на столе. Я не нахожу одной из редких фотографий. В предположении, что забрал ее владелец, я обращаюсь в секретариат с просьбою навести справку. Остальные карточки я снова раскладываю и принимаюсь за работу. Входит Ленин, видит фотографии и говорит: „Ах, это для вас; они мешали мне, и я велел их убрать“. Я говорю ему, что недостает одной карточки. „Вчера, во время заседания, кто-то выпросил ее у меня, и я отдал ему ее“. Кажется, ее получил Радек.

Однажды Ленин вошел с шапкой на голове и заявил, что он останется недолго, так как скоро должен уехать, сел к письменному столу и принялся за работу, не снимая шапки. Кроме нее, вообще ничего не было видно. Я взмолился: „снимите, пожалуйста, шапку, я ничего не вижу“. „Сейчас, сейчас, извините“, ответил он.

В то время я начал собирать автографы. Я просил Ленина написать мне что-нибудь в альбом, и он обещал. Когда я через несколько дней принес альбом и напомнил ему его обещание, он сказал: „Сегодня я впишу только свое имя; шум в голове после стольких заседаний“.

Моя работа приближалась к концу. Я получил телеграмму, требовавшую моего немедленного возвращения в Ленинград. Во время одного из перерывов, когда Ленин вышел, я велел вынести бюст. Тут же, в соседней комнате, он был отлит в гипс. Уже вечером я ехал в Ленинград. В дверях кабинета я в последний раз видел Ленина. Мне, все же, было больно расстаться с этим местом.

Я чувствовал, что здесь рождается новый мир.

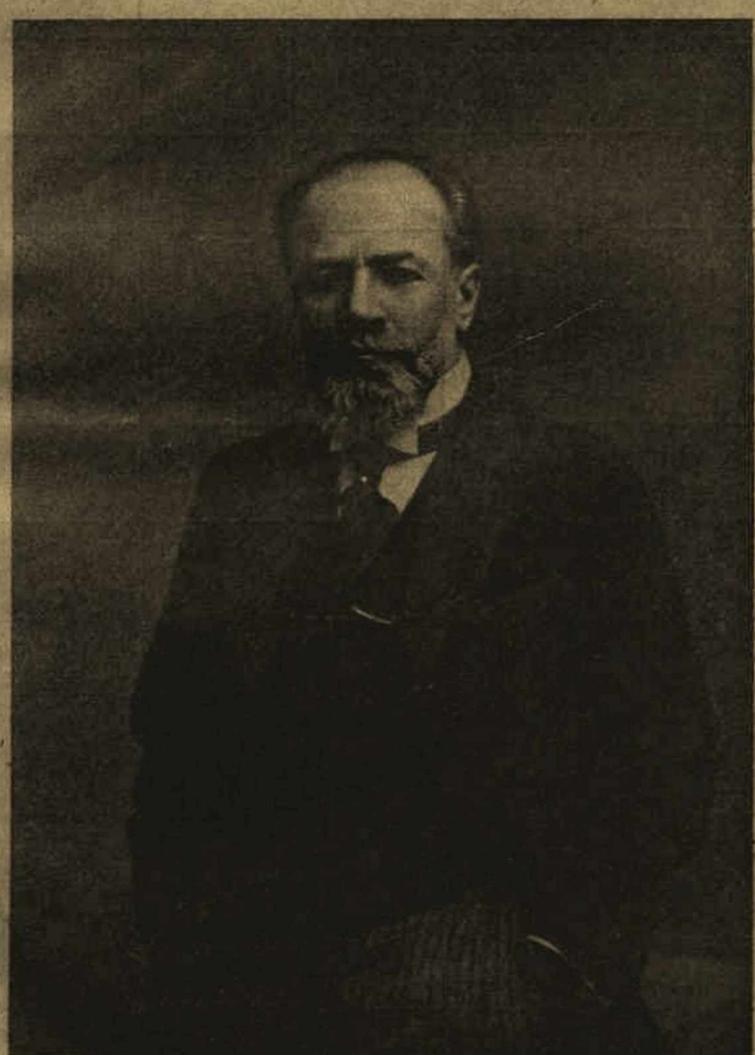
Берлин.

НАТАН АЛЬТМАН.

РУССКИЙ ИСКУССТВА

N

14

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

99.4

ЛЕНИНГРАД
МОСКВА

№ 14 ЭСИЗНЬ ИСКУССТВА

1 апреля.

ВЫХОДИТ ПО ВТОРНИКАМ.

1924 г.

Адрес Редакции и Глави.
Конт.: Ленинград, ул. Плеханова 2 (б. Казанская),
тел. 5-70-64.

Отделение в Москве:
Страстной бульвар, № 4,
тел. 58-11- и 2-61-45.

7-Й ГОД ИЗДАНИЯ.

Об'единение студийной работы.

В интенсивной работе по строительству революционного театра видную роль играли и играют театральные студии, целью которых является, главным образом, создание кадра новых пролетарских актеров и выработка подлинно-революционного театрального репертуара. Нельзя отрицать той крупной пользы, которая принесена студийной работой в деле коренной реформы нашего театра. В современное сценическое искусство студии внесли много нового, свежего, жизненного.

Но одновременно следует отметить и слабые стороны студийной работы, те уклоны от прямого пути, которые с течением времени все яснее и яснее выявились на практике.

В первую очередь надо обратить внимание на нежелательное явление, которое можно было бы назвать студийным перепроизводством. Число театральных студий возросло у нас до неимоверного количества.

Студии, и именно театральные студии, имеются не только при каждом театре и при каждом культурно-просветительном учреждении, при фабрично-заводских клубах и театрах,—этого еще мало. Почти каждый артист с более известным именем, а иногда и совсем не пользующийся известностью, непременно основывает свою студию. При разнообразнейших общественных учреждениях и организациях, часто не имеющих никакого отношения к театральному делу, основываются и функционируют театральные студии.

При таком количестве и многообразии театральных студий, конечно, не может быть и речи о согласовании и единобразии их художественной работы. Между тем это условие в наши дни отчаянной борьбы с ожившими эпмановскими течениями старого, дореволю-

ционного театра—представляется безусловно существенным и необходимым. Ряды молодых деятелей нарождающегося пролетарского театра должны быть правильно организованы, об'единены и сплочены. Разрозненность и разноголосица в этом трудном и ответственном деле может принести и уже кое-где приносит весьма заметный вред. Руководители наших бесчисленных студий, само собою разумеется, не могут всегда быть на высоте своей задачи уже в силу того, что подобрать такое большое число вполне компетентных лиц очень трудно.

Из всего этого вытекает повелительное требование момента—об'единение и сплочение нашего студийного дела, сосредоточение руководительства студиями в едином органе, централизующем всю студийную работу, дающем ей единые директивы и энергично пресекающем все отклонения от строго намеченного задания.

Этот центральный руководящий орган должен обнимать и соединять все области сценического творчества, одинаково регулируя и направляя в желательную сторону драматические, оперные и музыкальные его выявления. Только при такой новой организации нашего студийного дела оно может принести благоприятные результаты и окончательно и определенно явиться решающим, действенным фактором в великой задаче современности—создании подлинно-пролетарского, подлинно-революционного сценического искусства.

Без об'единения и сплочения в единый, цельный аппарат, действующий планомерно, сознательно и дружно, наши студии едва ли смогут сколько-нибудь плодотворно продолжать свою деятельность.